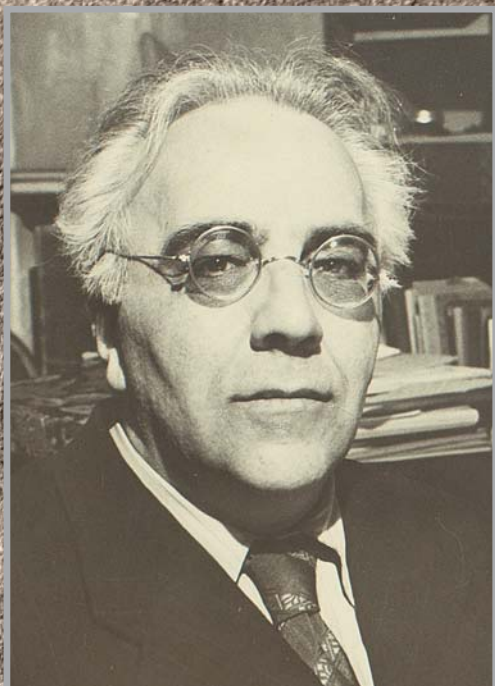

ГЕОРГИЙ
ШЕНГЕЛИ

Стихотворения
и поэмы

ПОЭМЫ

ПОРУЧИК МЕРТВЕЦОВ

Четыре бьет. Чиновный люд (теперь
Одетый столь пестро и неказисто,
Что формуляры стонут от желанья
Стать гневными скрижалями прорух)
Спешит домой. Но, как и встарь, писцы
Бегут великолепной мелкой рысью,
Столоначальники трясут шажком
С приличною припрыжкой, генерал же —
Почти стоит: столь тяжелы чины.
10 Но вот прошли. И опустела площадь,
И солнце вновь булыжники считает,
И по стенам горячий ветер хлещет,
У блудной курицы вздувая хвост.

Пять пробило. Расхлябанная дверь
Адмиралтейства испустила визги,
И невысокий вышел офицер.
Расправил он кирпичное плечо,
Кирпичным ликом кувырнулся в небо
И сладко дух известки потянул:
20 Покинута сургучная Валгалла.

Он пал в бою; давно: пятнадцать лет;
Как древний викинг, пал в сраженьи — с миром.
Он был поэт; как некие канцоны
Он вызубрил Регламент и Устав,
И Муза Государственных Службы
Его на броненосец привела,
Его морской болезни обрекла,
На каждой вахте усыпляла нежно, —
И адмирал Онагренко однажды
30 Себе в больную печень пробурчал:
«Нет, плох наш Мертвецов; нет, керосину
Не выдумать ему; и у него
К тому же и фамилия такая:
Кладбищенская...» И велел отчислить.

Исполнено. Его из мичманов
В поручики переименовали,
Зачислили в адмиралтейство, – и:
Пятнадцать лет, как десять дней, мелькнуло.
Так пал в бою поручик Мертвецов,
40 Так он попал в сургучную Валгаллу;
На службе там он целый день дремал,
Как некогда на вахте, а ночами
Его глушил бессновиденный сон.
Да, лишь один за все пятнадцать лет
Ему в насмешку подлый сон приснился:
Сидит он нагишом в степи и видит:
Вдали идут покойники, в порядке
И по ранжиру, тоже нагишом;
И каждый тащит курицу под мышкой,
50 Ощипанную, гнусную на вид;
Подходят чередой к нему, слагают
У ног его всю эту пададь, тихо,
Таинственно и ласково шепча:
«Учителю, учителю...» И в страхе
Проснулся униженным поручик.

Курятины с тех пор не ел он вовсе;
Боялся спать один, а спать вдвоем
Боялся тоже: вдруг она задушит?
Боялся видеть зубы: не смеются ль;
60 Что брюки сзади лопнули – боялся
И потому приосеял свой зад
Эгидою – обтёрханным портфелем...

Вот вышел он, как много тысяч раз
И раньше выходил. Взглянул пугливо
В конец проулка, где синело море,
Стремительно раскачивая лодки, –
И отвернулся, чувствуя, как жар
От ног тошнотно подымался к горлу.
Пошел домой. Сглотал холодный суп
70 И погрузился в «Тайны Венценосцев».

- Потом – стоял: средь комнаты стоял.
 Потом пошел гулять, – но тут обида
 Нежданная ошпарила его:
 Три вывески на перекрестке рдели;
 «Я. Малкин» пламенело на одной;
 Другая «И. Я. Малкин» возглашала;
 «А. Я. Бакши», смеясь, орала третья;
 И этой нарочитой срамотою
 Был до мозолей уязвлен поручик:
 80 «А я Бакши»... А ты, мол, Мертвецов,
 Покойничек, кладбищенское имя...
 И, каблуком по штукатурке брякнув,
 Поручик пулей ринулся домой,
 Сжав зубы, и портфель нещадно скомкав,
 И поминая предков и потомков.
 И поздней ночью он сидел, склонясь
 Над новою тетрадью, и старался
 Начать «Воспоминая моряка», –
 Но начертал: «И вообще мне скушно».
- 90 Но *там* не очень скучно было; там:
 На Свалках, на Нахаловке, на Глинке,
 В каменоломнях – в эту ночь сошлись
 Забродчики, фронтовики, гамзеи –
 В пятнадцатикопеечных брылях,
 В клеенчатых фуражках, в бескозырках;
 Там стрекотал фальцет пропагандиста,
 Там голос рыбака норд-остом рывкал;
 Винтовки лязгали, и ржавым звоном
 Отряхивался пулемет; там голод
 100 Не лодочками простира ладони,
 А свертывал их в кулаки, венчая
 Шипом кастета...
- С севера текли
- Сермяжные фаланги, и матрос,
 С двумя серьгами, пьяный и кудрявый,
 Захлебываясь «Яблочком», сияя
 «Авророю» на двухаршинной ленте,
 Уже купал свой пыльный броневик

110 В водах Салгира. И ему навстречу
Взбухал и зрел Везувий потаенный...

Уже два дня весь городок давился
Икотой слухов; кокаин в цене
Поднялся очень; протоиерей
Постыдно окарнал волосы седые
И рясу снял; а многоумный Пуло,
Магнат и столп, уж погрузил багаж
На пароход, дрожавший под парами,
И плакал в Думе, что: «каменоломни –
120 Гнездо для мирных жителей»... Патрули
Слонялись офицерские... Наутро
Гудело всё. Гудел толпою порт;
Гудки ревели на заводе; выла
Сирена канонерки на проливе;
И с треском отлетали в вышину
Лазуревые радио...

Поручик

С утра засел в своем адмиралтействе,
Пеньку пытался нюхать и заклепки
Рассматривать, – но суета вокруг
130 То зайчиками по стенам вилась,
То голосами гулками и бегом
По лестницам и комнатам плясала,
То адмиралом в кабинет влетала,
То сыпалась из портсигара на пол
Тугими папиросками. Поручик
Почуял вдруг, что – некогда ему,
Что суматоха тарахтит по нем,
Как... мерзлая земля... по крышке... гроба...
И, полон торопливой скуки, вдруг
140 Помчался к адмиралу Мертвецов:
В чем дело? Что случилось? Почему
Пятнадцать лет, пятнадцать тысяч лет
Стоит адмиралтейство нерушимо,
А нынче кто-то, где-то, почему-то,
Откуда-то... Стук, суета, тревога...
Но адмирала не было. У входа

Сидели вестовые, развалясь,
И ни один не встал. Застыл поручик:
Так вот оно что!.. «Встать! Ослепли?» Встали...
150 «Я научу вас!» И помчался дальше.
Но звуковые волны побыстрее
Поручичьего бега. И услышал
Себе вослед он: «Много вас найдется,
Учителей». Всё понял Мертвецов.

Вдруг бич стальной хлестнул по городку.
Как сотни однотонных ксилофонов,
Зазвякали граниты, и асфальты
Затукали. И вдруг – раз, и другой,
И третий небо лопнуло с надсадой, –
160 И время отвердело. Мертвецов
В свой кабинет влетел; впервые в жизни
Швырнул портфель, образчики пеньки
В чернильницу припрятал и, потя,
Извлек наган из тесной кобуры.
Сбежались офицеры к адмиралу;
«Что делать?» Ждали. Вдруг пропел гнусаво,
Как будто «эн» произнося французский,
Безносый телефон и в хрящ ушной
Короткий выплюнул приказ: прибыть
170 В штаб коменданта. – Вышли. Город лыс.
Сияют камни, ставни и решетки,
Испуганным сияет потом лик
Последнего пробеглого. И в небе
Всё тот же барабанщик заводной
Частит, неведомо где, беглой дробью.
А в штабе – дым. Там – жгут бумаги; там
Машинки размножают повеленье
Не выходить на улицу, – и крабом
Десятиногим бегают вдоль клавиш
180 Подсиненные руки машинисток.
Там – пьют; там жабы красные томатов
В содружестве с селедкой исчезают
В горячих ртах; там проволокой ржавой
И радужной дреколье обвивают;

Там – бомбы раздают; там поднимают
На крышу гочкисы. И телефоны
Без остановки энкают.

Поручик

Под черепаший щит броневика
Залез – и ринулся по переулкам.
190 Два дня метался в поисках врага,
Заставами весь город рассекая.
Но враг бесплотен, враг неуловим,
Всегда он там и никогда не здесь;
Он разражается, без толку, вдруг,
Назойливейшей трескотней, он может
Осесть воззваниями на заборах,
Он может ощутиться под ребром
Хорошеньким осколком; если только
Не ограждать пустынных улиц стражей,
200 Не сыпать в ночь завесой огневою,
Не выезжать всё в новые кварталы
Броневиками, – расплодится он
И станет вездесущим. Скука, скука!..

Враг отходил. Цеплялся за кладбище,
За загородный сад, за мол, за бойни,
В каменоломни всасываясь. Реже
Кряхтели пушки. Смело засвистали
Средь заводских окраин шомпола.
А Мертвецов икал от злобы: где же,
210 Где же они? И третьим утром, рано,
Вдруг налетел своим броневиком
На залп. Ответ. Ответ. Замолкли. Ладно!
И, разбивая двери и шкафы,
Через четыре теплых перепрыгнув,
Он выволок из-под железной крыши
Остывший пулемет, и связку лент
Расстрелянных, и щуплого мальчонка.
«Фамилья?» – «Малкин». – «Малкин? Хорошо!» –
И вывели, и петлю закрутили.
220 «Не надо мыла: за ноги повесим». –
И шесть часов дрожало деревцо,

И кровь сбегала из ноздрей по векам,
По лбу, на землю.

В сумерки опять
Подъехал Мертвецов. «Готов?» – «Еще бы».
«Ну ладно». – И увидели солдаты,
Как вдруг поручик побежал во двор,
И курицу взволнованную вынес,
И, в небо смехом разевая рот,
Внимая иступленному клохтанью,
230 Ей ощипал грудь, спину и крыла
И тоже за ноги повесил – только
На шее у насмешника: «Субботний
Ему обед». –

И возвратился в штаб,
Свою избывши скуку и надменно
Расстегнутыми брюками зевая,
Как офицер – насмешек не страшась.

1919–1921

ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЫЙ

Новый год

*

Звон полновесный, отлитый из золота,
Ровно в двенадцать провеял вдоль залы.
Полные пены и колкого холода,
Сдвинулись и зазвенели бокалы.

Встал император. Глазами увялыми
Скучно качнулся по люстрам и сводам;
Над верноподданнейшими бокалами
Вяло прошло: «Господа, с новым годом».

10 Звезды и ленты, седины и прелести,
Золотом и серебром отливая,
Тосту навстречу, в приветственном шелесте
Мерно шатнулись от края до края.

«Боже, царя храни...»

*

Старый рабочий
В ночь уходил,
Уходил во тьму.
Рдели сквозь ночь ему
Вольные очи
Новых,
20 Безвестных еще годин.

Шел один, и другой, и десятый, и сотый
На собранье, на сходку, во тьму, в пустыри, –
И впускали с полночною тенью ворота
Молчаливых людей, пионеров зари.
И, уйдя в воротник, неразборчивый кто-то
Замечал номера, обходя фонари.

*

30 В черной рясе
Поп Гапон.
В нервном плясе
Вьется он.
Клик кликуши
Плещет в уши,
Ловит души
Лживый стон.

40 Черноглазый
Поп Гапон,
Весь заразой
Заряжен,
У трибуны
Вьет буруны...
А драгуны
Длят свой сон.

50 Он прервется —
Этот сон,
Развернется
Лязг и звон:
Вбрызнет скоро
В песню хора
Треск затвора
Поп Гапон!

*

Корабли, корабли, корабли,
Раскидавшись на мили и мили,
Берега малярийной земли
Третий месяц тоской обводили.

И горячие горла машин
Под броней пузырились ржавой,

И лазурью враждебных пучин
Захлебнулся орел двоеглавый.

60 Чтоб тоске двоеглавой помочь,
Возле башен, под локоном дымным,
Налилась новогодняя ночь
Золотым императорским гимном.

Но, разливу оркестра в ответ,
Пели волны, муссоном гонимы:
«Рубежей меж пучинами нет;
Мы – такие ж, как волны Цусимы».

И армада идет и идет
Напрямик, напролом, напролет,
Сквозь обманное марево вод
70 Из Четвертого в Пятый год.
Идет...

*

Крутой сквозняк с Хинганских гор
Под утро просвистал в простор
Сквозь гаоляновые тропы,
Ударил в мерзлые окопы,
Задохся падалью из ям
И разбесился по полям.
В привычном и досадном страхе
Проснулись мятые папахи,
80 Глядя назад, где в глине стен
Стыл и мерещился Мукден,
Глядя вперед, где в сопках ржавых
Врагов, надменных и лукавых,
Заворошился черный рой,
Где в бедной фанзе, под горой,
Над картою сидел упрямо
Как циркуль медленный Ойяма,
Рассчитывая, как парад,
Февральский фланговый охват.

90 А по хронометру считая
 Путь солнца от границ Китая
 До парков Царского Села
 (Чтоб ровно к полночи пришла,
 Царя под новый год утеша,
 Всеподданнейшая депеша
 О неизбежности побед),
 Командующий, на рассвет
 Взглянув брюзгливо и устало,
 Окликнул адъютанта вяло –
100 И телеграмма побежала,
 На полустанке обогнав
 Груженный трупами состав.
 А в блиндаже, среди сугробов,
 Лежал поручик Гололобов,
 В предсмертной посинев тоске,
 Пятная раной на виске
 Комок подушки в сальном блеске, –
 И рыцари ночной «железки»
 Встречали гробовой покой
110 Своей икотой спиртовой...

*

Вновь император, стряхнув цепенение,
Мутно промямлил в шампанскую хмарь:
«Вот, Куропаткин идет в наступление»,
И загремело: «Ура, государь!»

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ

*

Надеялись и умилялись,
Готовились и умывались,
И поторапливали жен,
Чтобы идти толпой покорной
На заостренный ночью черной
120 В казармах гвардии рожон!

- Шли бесконечным добрым роем,
С попом Гапоном впереди,
С простым, с доверчивым покоем
В исхолававшей груди.
Шли с облегченьем, с упованием,
Что – вот: настало! наконец!..
Туда, где ржавым изваяньем
Красно кровавился дворец,
Где серою шеренгой встали
130 Серошинельные полки,
Где иглами граненой стали
Легко встопорщились штыки...
- И напряглась предожданьем,
Легла тревогой тишина,
И медным горловым рыданьем
Рожок пролился.
- Как стена
- Вдруг рухнула крошащим гулом:
Залп, залп, залп, залп, лязг, крик, стон, вой
Прошли беспмятным разгулом
140 По оскользевшей мостовой.
Глаза раскрыты. Губы сжаты.
Сердца пробиты и распяты.
«Проклятый! – пенится. – Проклятый!»
Треск прокатился вновь и стих.
Драгуны ринулись на них,
Рванули, грянули, прорвались,
Оборотились, вновь помчались.
Конец! И в каменной тиши
Пургой свистали палаши.
- 150 День домутнел. И в ночь злодейства
Светить стыдились фонари,
И Невский бредил до зари
Прожектором с Адмиралтейства...

ЧЕТВЕРТОЕ ФЕВРАЛЯ

*

С утра хрустящий яблочный морозец
Посмеивался меж крестов и крыш,
И снега шоколадная халва
Рассыпчато скрипела под калошей.
До масляной недалеко. В Охотном –
Бруски мороженой наваги, бревна
160 Распиленного навкозь балыка,
В жестянках голубых сурьмяный блеск
Зернистой дробы, паюсный шагренъ,
В кленовых бочках клюквовые бусы,
Нефрит моченых яблок, хризопраз
Ядреных огурцов под эстрагоном,
И – грудой – восковые поросята
С развратной ранкой в горле сквозь жирок.
Тугие молодцы – в огромных чуйках,
В передниках – снуют и заывают,
170 Клянутся, крестятся трехпалой лапой,
Отвешивают, отрубают, сыплют,
Как десять лет, как двести лет назад.

Работает столицы тучной чрево!..

Серебряными спицами блистая,
Стеклом и черным лаком отливая,
На рысках за временем гонясь,
Карета мчится. «Глянь: великий князь».

На облучке водяночной громадой
Пружинит вожжи кучер толстозадый
180 С лицом долгобородым, как бунчук;
На самокатах сыщики вокруг;
И на «ура», расползшееся вдруг,
Через стекло, презрительным показом,
Мелькнула власть – недобрым синим глазом...

Дремотен Кремль под горностаиной шапкой,
Надвинутой на башни и на главы,
Под заячьим тулупом, что налег
На ядерный чугун, на бронзу пушек;
В Сенате адвокатское журчанье;
190 В монастыре просвирник тесто месит
Для просфор исключительных; в архивах
Бумажный шелест и сургучный шепот;
Ленивые молебствия в соборах...
Как десять лет, как двести лет назад!

Влетает на караковых карета,
И человек в дубленом полушубке –
Наперерез, и вздергивает руки,
Как бы с мольбой, и разом рушит наземь
Огонь и гром!
Звонят протяжно стекла,
200 Подпрыгивают кандалы в суде,
Садятся кляксы на бумагу, галки
Взвиваются с крестов, с дворцов, с деревьев,
И в кислом житном дыме бьются кони;
Щепа, кровь... мозг разбрызган и курится
В морозном воздухе.

«Хватай! Держи!»

Со скрученными на спине руками,
Весь окровавленный, летит Каляев,
В объятьях сыщиков, на санках, сквозь
Полубезумную Москву, крича:
210 «Долой самодержавие!»

Княгиня,
Без шляпки, мчится в Кремль.

На месте взрыва
Растаял снег, но кровавым ледком
Уже оцепенило мостовую,
Клок сапога и лаковые щепки...

Смеялась, зубоскалила Москва:
«Впервые князь мозгами пораскинул!»

МУКДЕН

*

220 В Харбине электричество блещет,
И в курильнях пузырится опий,
И китайская музыка плещет, –
На циновке не то, что в окопе!

На циновке лазурному бреду
Уступает безумье Мукдена:
Ничего, что презрели победу,
Хорошо, что не видели плена!

На циновке в курильне зловонной
Водкой рисовой колется ужин,
И хрипит офицер иступленный,
Сладострастием в сердце контужен!

230 Их всё больше. Фарфоровым глазом
Цепенеют. Зрачки – точно яма.
Погибать, оскверняться – так разом:
На Мукден наступает Ойяма!

*

Как будто – ничего. Голубизной огромной
День раздувается, и ветер неумный
Звенит о гаолян,
Но «зайчик» прыгает, зеркальный и блестящий,
Сигналом вкрадчивым гнетущий и грозящий
Средь ледяных полян.

240 А ночью зыблются меж ветряных созвездий
Крыла прожекторов, как знаменья возмездий;
Змеится дым шимоз;
По карте генерал неверным пальцем водит,
А распложенный враг подходит и подходит
Сквозь грохот и мороз.

И расседается тугим огнем и мясом
Фугас взрываемый за взорванным фугасом,
Прокладывая путь,
И за позицией другая отмирает –
Как бы гангрена их грызет и пожирает,
250 Просачиваясь в грудь.

*

И равнодушные драконы
У древних княжеских могил
Видали, как бредут колонны
Безумные в безумный тыл,
Туда, где склады полыхают,
Муку́ и му́ку пепеля,
Где раненых не принимают
Раздутые госпиталя.

*

И командующий, как во сне,
260 Приказал свершившееся отступление...
Начинается по всей стране
Государственное головокруженье.

Цусима

*

Чутко спят в орудиях снаряды,
Комендоры спят, не раздеваясь.
Ночь и день холодные бинокли
По туманным горизонтам бродят.
Море пусто, как морская карта,
Но порою из-за горизонта
Вдруг дымок взвивается летучий
270 И опять истаивает в небе.

Кто-то вьется подле, не отводит
Узких глаз от флота, – но напрасно
Мчатся на разведку миноносцы:
Пусто море там, за горизонтом.
Море пусто, как морская карта;
Сердце пусто, как игра в макао;
Старший флагман в невралгии стонет,
Младший умер от разрыва сердца.
И в каютах, кочегарках, трюмах
280 Всё отрывистей ведутся речи,
И с фуражек ленты ниспадают
Черным крепом, траурной повязкой.
И уже немало в лазаретах
Вынуто горячечных рубашек,
Но полуночное бормотанье
У здоровых, у больных – всё то же...

*

Панихида над флагманом ноет,
Душно тает пред образом воск;
Мысль о гибели роет и роет,
290 Будто крот, помутившийся мозг.

И когда закрестились, и строго
Прозвучало рыданье валторн, –
Боевой и предсмертной тревогой
Разразился серебряный горн.

И покинуто важное тело.
«По местам!» И увидели все,
Как восходят средь кипени белой
Броненосцы в надменной красе.

«Показались! Японцы! Японцы!
300 Сзади, спереди! Полон пролив!»
Хризантемой взошедшего солнца
Брызнул первый бризантный разрыв.

*

Винты ударили в крутую воду,
Усы валов взметнулись у форштевней,
Чугунным дымом захлебнулись трубы,
И, задрожав до килей, корабли
Чудовищной дугою развернулись.
«Огонь!» «Огонь!» И сразу – агония:
Чрезмерно увлажнен пироксилин,
310 И двадцатипудовые снаряды
Ложатся в воду. Недолет! Опять!
А там, вдали, кильватерной колонной,
Недосягаемы и невредимы,
Играя пестрой переменной флагов,
Смыкаются подковой корабли.

*

И с их неуязвимой грани
В согласный громовой черед
Ложатся огненные длани
На беззащитный русский флот.
320 И в яростных чалмах пожара
Вдруг заматались, – всё равно, –
Ища последнего удара,
«Суворов» и «Бородино»...
Со дней Чесмы и Трафальгара
Эскадры так не шли на дно!

*

В черной воде закипает след
Прямолинейных тупых торпед;
Вскинут сигнал и с мачтой сбит;
Душным дышит дымом лиддит,
330 И сквозь взметенную водную пыль
Вверх выворачивается киль.

*

А на других броня – вся в клочьях;
Крен, течь, заклинены рули.
Спасти одна лишь может ночь их, –
И ночи молят корабли.
Как бы серпами трубы сжаты;
Нет хода; стиснуты в кулак;
Сердца пробиты и распяты;
«Проклятый! – пенится. – Проклятый!»
340 С востока наползает мрак,
И минным бешенством атак
Встречает ночь остатки флота.
А на «Светлане» для чего-то
Плач гимна снова шлет в простор,
Ополоумев, дирижер...

*

А наутро всё море испятнано кольцами масла,
А наутро всё море покрыто буйками голов,
И простая заря погорела, поблекла, погасла,
И качает волна небывалый холодный улов.
350 И спокойно подходят к бортам крейсеров миноноски;
Хризантемное знамя, – на мачту проворно вползай!
И надменной усмешкою лик передернулся плоский,
И в лицо побежденным хлестнуло, как плюха: «Банзай!»

БРОНЕНОСЕЦ «ПОТЕМКИН»

*

Застыло лето медным зноем,
Зарницей синей напряглось,
И задышала даль пред боем,
Окровавлённая насквозь.

360 Дворец – испуганное ухо,
Распяленное, как струна,
И отовсюду, глухо-глухо,
Грозой вздыхает глубина.
Кто различит в подземном гуле
Строй марсельезы, посвист пули,
Железный гомон заводской,
Шептанье сыщика в охранке
И овдовелый плач крестьянки
Над исповедницей-рекой?
Дворца испуганное ухо
370 Вниманьем жадным напряглось, –
И под землею, глухо-глухо,
Пласты соскальзывают вкось!

*

Стоит утюгом броненосец
У Тендровской мертвой косы,
На мертвой воде – и не знает,
Что грозные зреют часы.

Лишь ночью прозрачный прожектор
Тревожным взмывает крылом,
И трогает звезды, и молит
О мирном и милом былом.

380 Но тишь в офицерских каютах,
Крахмальный, утюженный сон, –
Как будто взбешенное время
Не мчит экипаж под уклон.

Как будто в аду кочегарок,
В стальной тесноте батарей
Не выплавлен гнев и не вкован
В сердца безответных людей.

Как будто в крюйт-камере узкой
Неловкий удар каблука

Дать искру не может – и взрывом
Корабль развернуть в облака.

Как будто столетняя сила
Не рухнет, гудя и треща,
Подмытая страшным приливом
Протухшего за ночь борща!

*

Одно лицо пылало. Восемьсот
Бледнело, как припадок. Верещал
Просверленный сквозь спазму злости голос,
А восемьсот молчало, как снаряд.
400 «Что?! Бунт?! За борт прекрасный борщ? Мерзавцы!
Кто будет жрать – направо, марш! А прочих –
Повешу, как свиней!»

Один, другой,
Десятый, сотый двинулись направо.
Вот вся команда под хлыстом угрозы
Готова уступить. Но офицер,
Уже безумный, с пенящимся ртом,
Удерживает остальных: «Ни с места!
Я вас отправлю борщ хлебать на дно!
Эй, боцман! Вызвать караул! Подать
410 Сюда брезент! Закрыть их! Расстрелять!»
Минута виснет бредом.

Вдруг матрос,
Захлебываясь, выкликает: «Братцы!
Да что же это? Братцы!»

Пистолет
В руках у офицера ухмыльнулся
И плюнул смертью...

И громовый вопль
Ответом был на выстрел: «Бей драконов!»

И через час, пылая красным флагом,
Корабль, сильнейший в Черноморском флоте,
Валил в Одессу мятежом плавающим,

- 420 Чтобы поднять всё побережье, чтобы
Дать руку всем, кто загнан в подземелье,
Чтобы потом, во всех портах земли,
Размножиться бессмертною легендой!

ОКТАБРЬ

*

- Холод и мрак. Топлива нет.
Электричества нет и нет газет.
Вчера на юг не ушли поезда.
Сегодня они не идут никуда.
Уже телеграмму послать нельзя.
Весь день заводы гудят, грозя.
430 Погасли окна последних аптек.
Глядите: с револьвёром пробежал человек!..

- Вся Россия, стиснув зубы, ушла.
Ушел почтальон от пустого стола,
Ушел истопник, и ушел кочегар,
И в котлах заводских загустел нагар,
И остыла вода в паровозных котлах,
И оборвана проволока на столбах,
И вокруг Петербурга мглой разлита
Пустота, пустота, пустота...
440 А по звонким проспектам гремят казаки.
Оттого и гудят заводские гудки,
Оттого и проносит бешеный бег
С черным браунингом человек!

*

Браунинг плоский и жесткий
Черною сталью мерцает.
На черные перекрестки
Человек выбегает.

450

Там на коньках мохнатых
Серый патруль маячит.
«Бей драконов проклятых!
Ничего, что matka поплачет!

Плакали наши матки.
Стой, не вертись! Эх!
Поиграй с пулею в прятки!»
Треск. Стон. Смех.

*

460

В гостиной лаковый и бронзовый амбир;
Мечтают грации меж факелов и лир,
И люстра свесилась граненой хрусталинкой
Над полною клубков и вышивок корзинкой,
И теплым изразцом блестит на солнце печь, —
Но некому плечом к ней ласковым прилечь:
Дом ночью опустел, перекрещен тревогой.
Графиня плакала; граф горячился: «трогай!»
Храпящих лошадей гнал и хлестал ямщик,
И всю дорогу им грозил и рдел язык
Пожара дальнего, снедавшего усадьбы,
И страх закоченел в тупое «ускакать бы!».
И утро подошло к дворянскому гнезду
Сперва безмолвием, потом, как бы в бреду,
470 Толпой, грохочущей веселые частушки.
Лом грянул в дверь, и звук отдался громом пушки,
И в остром холоде хрустальный дрогнул свет,
Под палкой, в дребезгах, спадая на паркет.

Помещички
Испугались!
Наконец-то до вас
Мы добрались!

Эх, ветхие,
Завалящие,

480

Вот хозяева пришли
Настоящие!

Мы в земле да с сохой
Ковыряемся,
А с барьём кулаком
Расправляемся!

Надоело ходить
Нам под штрафами,
Надо скот поделить
Нам да с графами!

490

Им рога, да и те
Прямо в брюхо им:
Как на воле пахнут кишки,
Мы понюхаем!

Хорошо убрано
Ваше гнездышко,
Только пустим мы убранство
Да по воздушку!

500

Дом зажгу, перебью
Чашки, блюда я,
Потому как у нас
Революция!

Уж теперь не для нас
Воля куца,
Потому теперь у нас
Революция!

Эй, ребята, пламя-полымя
Зажигай!

Петуха на волю красного
Выпускай!

510

Покрасуется пусть огненным
Гребешком

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

Поручик Мертвецов	7
Девятьсот пятый	
Новый год	14
Девятое января	17
Четвертое февраля	19
Мукден	21
Цусима	22
Броненосец «Потемкин»	25
Октябрь	28
Ноябрь	33
Декабрь	35
Искусство	40
Пушки в Кремле	45
Пиротехник	
I. Улица, они и он	50
II. Вымирающая профессия	52
III. Глава правительства	53
IV. В бистро	55
V. Он недурно живет	56
VI. На Гревской площади	57
VII. Не будем его называть	59
VIII. Всемирная выставка	60
IX. У Спиагудри и Оглипиглапа	61
X. Ей тоже надо	62
XI. Воскресный отдых	64
XII. Чистая наука	67
XIII. Утро трудового дня	68
XIV. Чистая работа	69
XV. Бессонница с выводами	71
XVI. Мост Сольферино	72
XVII. Переход количества в качество	74
XVIII. Entre-mets	75

XIX. Ему позволили поговорить	76
XX. Право последней ночи	78
XXI. Как дуновение ветра	79
XXII. Искусство потешных огней	80
Гарм	82
Ушедшие в камень	112
В дежурке	137
Сталин. <i>Этический цикл</i>	
Тема первая: Личная	146
Тема вторая: Неопровержимо о детях	152
Тема третья: Пять шестых мира	154
Тема четвертая: Две евгеники	160
Тема пятая: Война и они	163
Тема шестая: Война и мы	167
Тема седьмая: В конце концов – партия	172
Тема восьмая: Голос неотомщенных	178
Тема девятая: Проблема вождя	181
Тема десятая: Лицо вождя	189
Тема одиннадцатая: Слово вождя	192
Тема двенадцатая: Искусство восстания	195
Тема тринадцатая: Гражданская война	199
Тема четырнадцатая: Философия машины	205
Тема пятнадцатая: Воскресшая земля	209
Тема шестнадцатая: Братство народов	215
Интерлюдия: Проект письма	221
Тема семнадцатая: На весах жизни	233
Тема восемнадцатая: В пространство и время	238
Повар базилевса	243
Тайна кавторанга	289
Эфемера	302

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Сальери	311
Нечаев	330
1871	342
Доктор Гильотен	363
Броненосец «Потемкин»	381

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

Поэмы

Шумы раковин.....	447
Нимфея.....	463
Наль	469
Коммуна (<i>отрывки из поэмы</i>)	483
Равашоль	486
Сергей Нечаев (<i>отрывки из поэмы</i>)	488
<Дополнения>	497
Два брата.....	502
Пестрый фараон	506
«Разрешите мне, читатель...»	508
Карфагенская бритва	515
«“О доблестях, о подвигах, о славе... ”»	518
Примигений Телегин	521
«Квартирка-скворешня...»	526
Фьоренца миа	529
«Итак – онегинской строфой...»	530
Севастополь	542
Тень Пугачева	544
Богатыри Невы	546

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Серпы	547
Пугачев.....	556
Император Крэбб	562
Великий маэстро	565
Каменный гусь	570

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приключения капелек (<i>Сказка</i>)	576
Мсть Калиостро.....	581
Другие редакции и варианты	591

<i>В. Молодяков. Георгий Аркадьевич Шенгели:</i>	
биографический очерк	607
Комментарии	622

Шенгели Г. А.

- Ш47** Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста, комм. В.А. Резвого, биограф. очерк В.Э. Молодякова. – Т. II. – М.: Водолей, 2017. – 672 с.

ISBN 978–5–91763–353–4

ISBN 978–5–91763–355–8 (Том II)

Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) – один из крупнейших русских поэтов XX века, выдающийся переводчик и ученый-стиховед, остается неоцененным по достоинству прежде всего из-за отсутствия сколько-нибудь полного и качественного издания его поэтического наследия. В настоящее собрание, ориентированное на максимально возможную полноту, включены все выявленные к настоящему времени поэтические произведения Шенгели, часть которых публикуется впервые. В основу издания положены прижизненные публикации и материалы из государственных архивов и частных собраний, прежде всего рукописи поэта. Раздел «Другие редакции и варианты» отражает работу автора над текстами, порой продолжавшуюся десятилетия. Издание снабжено подробным текстологическим, историко-литературным и реальным комментарием, вводящим в научный оборот много новых источников и сведений.

Во второй том включены все известные поэтические произведения Шенгели «крупных жанров», включая незавершенные. Впервые полностью публикуется «Эпический цикл» (1937–1939). Биографический очерк В.Э. Молодякова содержит основные сведения о жизни поэта и основан на его книге «Георгий Шенгели: биография» (М.: Водолей, 2016).

ББК 84(2Рос=Рус)6

УДК 821.161.1